

Мужики воевали — в колхозе оставалось всего два деда. Чистый воздух, звенящее весеннее тепло и яркое солнце ласкали безрадостный май 43-го. Из неудобных саманных холуп, блиндажных землянок и скособоченных домиков с черными, потрескавшимися бревнами высыпали на весеннее тепло бабы, дети и девки-подростки. Село называли хохляцким, так как сюда, в степной Алтай, перебрались в начале века из Украины, доверившись реформам Столыпина, отцы и деды этой подраставшей поросли. Жили как жилось — думали, везде так.

В селе было бесчисленное количество ям и канав, но история их никого не интересовала. Эти ямы и канавы полюбились детям: казалось, они для того и существуют, чтобы играть в жмурки и войну — в них легко было прятаться. Взрослые общались на тарабарском суржике, дети этот суржик перенимали, так что литературный русский язык в школе усваивался с трудом.

Семилетнюю Машу никто не будил — сама просыпалась. Сходила на задний двор в яму, что служила уборной; зашла в сени, где стоял кувшин с теплым еще молоком; напилась из горлышка; вышла, зажмурилась на солнце и снова вернулась в избушку.

Мама на зорьке выпускала корову в стадо, когда Маша еще крепко спала. На колхозной бричке мама уезжала в бригаду вместе со всеми женщинами и, усталая, возвращалась к вечеру. Если Маша забывала прибрать постель, мама сердилась. Чтобы ее не огорчать, Маша первым делом заправляла кровать — разглаживала одеяльце, в которое ее закутывали совсем еще маленькой, пушила подушку и ставила ее ребрышком на постель.

Сухие дни Маша проводила в яме, что была через дорогу, — там стоял когда-то саманный домик с погребом. Память о нем хранили бугорки с бурьяном да яма с глиной цвета красного кирпича. В яме Маша смастерила домик — такой, какой во сне видела. Первым делом вычистила углы и выровняла стены, из палочек и досточек соорудила стул и столик, украсила его глиняной вазой, глиняными чашечками и тарелочками. Глиняной горке придала форму дивана, стены украсила птичками и цветочками.

Не хватало хозяев, и Маша вылепила папу с мамой. Перед спуском в яму, «у входа», они радушно встречали гостей, держась за руки. Однажды Маша привела сюда маму — похвастать.

— Художнычка ты моя! — ахнула она и заплакала.

В яму-домик спускались, бывало, дети, с которыми Маша играла в прятки. В этой веселой и хитрой игре она старалась так «схорониться», «шоб ны зачыкалы», или, как еще говорили, «ны застукалы», — вадила она редко. Дети разбегались по знакомым углам, а Маша — за дорогу в кустики, из которых для зимы заготавливали веники. Убегала, как правило, последней, так что потайное место долго оставалось неразгаданным — искать ее начинали, когда уже все были «зачиканы».

Однажды вада никак не мог ее найти, и Машу начали искать всем «скопом». Побежали к яме — пришлось ей листочком к траве прижаться. Обнаружив «домик-музей», дети застыли,

как в гипнозе. Пока они приходили в себя, Маша ящерицей шмыгнула в безопасное место, поднялась, побежала к углу сарая и уже оттуда звонко прокричала: «Чики-чики я!»

Из «музея» вылезали неохотно, приставали с вопросом: «Ты дэ пряталась?»

— Ны скажу, — звонким колокольчиком хохотала Маша; радовалась, что смышленной оказалась и всем задачку задала.

Признаваться, что партизаночкой таилась рядом, за кустиками, ей не хотелось. А кустика, бывало, и не было вовсе — она его просто умело создавала. Убегала, по пути срывала «веник», выбирала место, откуда легко было «зачикаться», падала на землю, выставляла перед собой «кустик» и через него следила за вáдой. Вычислив удобное время, неслась «чикаться», оставляя «кустик» до следующего раза. Появлялась она стремительно и как из-под земли неожиданно, так что дети никак не могли сообразить, откуда.

Рыжему соседу Шурке Сысоеву все не терпелось ее выследить. В очередной раз он даже прятаться не стал — подождал, пока Маша скроется. Но Шуркину хитрость она разгадала — не дыша встала за спиной вáды вместе с ним.

Честно закрыв глаза и уткнув лицо в угол сарая, вáда громко считал десятками до пятидесяти. Прозевать момент, когда он заканчивал свое торжественно-громкое: «Дэвять, дэсять... пятьдесят!.. Яидуыскать. Ктoнызаховався, янывыноват», нельзя было — Маша напряженно ждала. Он закончил, и она тут же выбросила из-за его спины ладошку. Вáде оставалось застукать Шурку — он в отместку показал кулак. И все же «вражина» Шурка оказался настойчивым — выследил ее. Пришлось им прятаться вместе. За кустиками она шептала, как приказывала:

— Цэ мисто, Шурка, ныкóму ны раскрывай.

Хранить тайны Маша умела. «Шоб выжить, надо дэржать язык за зубамы», — слышала она с самого раннего детства, с той поры, как помнила себя.

Случалось, мама украдкой приносила из бригады пшеницу. Тогда Маше предстояло ее назавтра перемолоть на ручной мельнице, «рушилке», или, как еще говорили, «драчке» — да так, чтоб не только никто ничего не увидел, но ни о чем бы даже и не поду-

мал. Не дай бог застучают!.. Тогда маму засадят в тюрьму и Маша останется одна.

В такие дни она по утрам предусмотрительно набрасывала на двери крючок, отгребала в сарае сено, доставала тяжелые жернова и начинала молот. Из белой мягкой муки образовывалась горка, а по краям скатывались плохо перетертые зернышки. Старой деревянной ложкой Маша бережно высыпала их снова в горлышко «драчки» — давала жерновам «пищу». Из отходов покрупнее варили потом кашу, вкуснее которой не было ничего на всем белом свете, а из муки получались лепешки, что просились в рот вместе с пальчиками.

Однажды, когда Маша была занята этим секретным делом, дети начали колотить в дверь и звать ее на речку.

— Ты шо робышь? Оглохла, чо ль?

Очень хотелось купаться — плавать, брызгаться, нырять, но откликаться не стала: мало ли — не слышит!

Дети успокоились и ушли. Она закончила работу, вытерла жернова, чтоб никаких следов не осталось, — потерять маму было страшнее всего! — убрала все и только потом убежала.

— Ты чога ны открывала? — упрекнул ее Шурка.

— Доливку мазала, — не моргнула она.

Ох, уж этот приставала Шурка!.. Вообще-то он часто приходил. Вот и сегодня... идет уже.

— Давай на ричку Грышку Бута клыкнымо.

В низине огромного двора Бутов был когда-то глубокий колодец, но так как его и часть огорода заливало весенней водой, колодец завалился. Сейчас Дуня, 13-летняя сестра Гришки, полоскала в колодезной яме рядна на широкой доске вместе с соседкой. Гибкая серединка длинной доски хлестала звонким эхом по воде. Маша подняла стебель прошлогоднего подсолнуха и, пытаясь нащупать дно, начала им тыкать в воду.

— Ны баламуть воды! — сказала Дуня.

— Я легохонько, тилько дно достать.

— Шоб его достать, таких палок штук дэсять надо.

— То так глыбоко, шо и вас скрое?

— Ну, а як же — вода ж тут усэ лито стоить!

Маша промолчала и опустила на плюшевую зелень. Из дома шумно выскочили мальчишки — она засмотрелась, ослабила ладошку и выпустила стебель. Легко юркнув в воду, он всплыл. Отталкивая его, девушки продолжали полоскать.

— Ду-унь, достань палку... — заканючила Маша.

— Нужна вона мини, твоя палка. Отходь, сказала! — рассердилась Дуня, но стебель вытасила, с силой его отшвырнула и больно задела руку Маши. Она заплакала не столько от боли, сколько от обиды. На нее, «и помощнычку, и умнычку, и художнычку и, як старушечку, рассудительную», мама никогда не кричала.

— Ладно, ны хнычь, — пожалела Дуня. — Побудь, тилько ны мишай.

Маша свесилась вниз и принялась стебелечком рисовать в воде. Подошли мальчишки, Шурка защекотал ее босую ступню. Она дернулась, потеряла равновесие и бултыхнулась в холодную черноту. Резиновым мячиком стукнулась о дно и быстро начала подниматься. Дуня поймала ее за подол, но удержать — не удержала. Во второй раз Маша погружалась уже медленнее — даже ямочки-норки успевала разглядеть. Того простора и света, что на речке, здесь не было — легко было достать другую стенку. Наверху ее поддели, опять не удержали, но она не расстроилась: «вызнает, чьи то норки».

В третий раз погружалась она совсем медленно — пальчиками даже глубину норок успевала нащупать. На сером дне мрачного подводного мира алюминиевым пятном выделялась сломанная ложка. Больше тут ничего не было, и Маше подумалось о маме. Она нисколько не сомневалась, что без нее мама умрет, а потому медленно начала подниматься.

На доске вместе с Дуней стоял теперь еще и Шурка. Он клещом вцепился в Машу и поволок ее на берег. Пока Дуня тискала ее, Маша заметила шест, которым вытаскивали утонувшие ведра. Под оханья и аханья ее завернули в огромный тулуп и на тележке с деревянным коробом увезли домой.

До прихода мамы с нею, как с больной, сидел Шурка. Он поглаживал ее мокрые темно-русые волосы и все в глаза глядел — огромные, как темные черешенки. А потом с работы пришла мама и с воплем кинулась к ней:

— Машынька! Донюшко! Ты шо зробыла? А як бы я — биз тэ́бэ?

— Ны плачь, мамо. Я тэпэ́ря знаю, шо та яма си́ра (серая) и в дырочках, и вода тож сира.

— Ты нахлибалась, мабуть?

— Да ни-и, мини ны чуточки ны було страшно.

И мама сказала фразу, которую Маша поняла только с годами:

— Ничё, шо вы дитки тридцатых... Все одно будытэ щаслывы — назло усему.

Мама верила, Маша и Шурка тоже...